

Хоть меховые сапоги Куй У и были ему велики, но, когда внутрь набили сухой рисовой соломой, сели почти впритык. Цинь Хэ нарочно притопнул пару раз, и понял - они гораздо удобнее, чем те тряпичные, наполовину с ватой, наполовину с соломой.

Куй У снял с себя ватную куртку и набросил на Цинь Хэ поверх верхней одежды. Может, из-за того, что в нём ещё хранилось тепло его тела, но укутанный с головы до пят, Цинь Хэ мгновенно ощутил, как согрелся. Вся эта ватная громоздкость пахла Куй У. Запах был особенный, он не напоминал ни траву, ни зверя. Как и сам Куй У - резкий, опасный, с налётом неукротимой силы. Но без крови. Цинь Хэ, стоя в этом запахе, вдруг ощутил, будто оказался среди бескрайних заснеженных гор, где за бурей и бойней наступает безмолвие и покой, всё затянута белым, всё под контролем.

Ему нравилась такая картина. Сила - вот что давало покой в душе.

Куй У, глядя, как его фулан укутан в его же одежду, наконец удовлетворённо кивнул:

— Хочешь пройтись по двору - иди.

Двор у дома Куй был шириной в четыре чжана и длиной в восемь - не большой и не маленький. В одном из углов стоял амбар, где хранились дрова и разные сельхозорудия. У передней стены находился небольшой птичник. Видно, раньше в нём держали домашнюю птицу. Сейчас же осталась только одна старая курица. Видно было, что на свадьбу ушли почти все запасы, и немудрено - тогда почти всю живность и перевели.

Увидев, как Цинь Хэ подошёл, старая курица закудаhtала, требуя корма. Цинь Хэ кур не держал, не знал, чем их кормить, но в кормушке заметил шелуху от зёрен. Он не стал трогать курицу, а заглянул в соломенное гнездо и нащупал там тёплое, только что снесённое яйцо. На его ясном лице вспыхнула искренняя радость. Он даже забыл про двор, крепко зажал яйцо в ладонях и с сияющим видом побежал в дом:

— Далан, наша курица снесла яйцо!

Куй У вмиг развеселился от слова «наша», прозвучавшего из его уст, и сердце у него заиграло:

— Эта курица уже несколько дней не неслась, думал, до потепления не дождёмся. А она, гляди, сегодня вдруг одарила. Как раз кстати. Завтра утром сварю тебе. Или хочешь прямо сейчас?

Цинь Хэ облизнул губы:

— Завтра. Сегодня и так целую курицу съел.

— Ладно, — кивнул Куй У и, небрежным движением, положил яйцо в корзинку на кухонном шкафу.

В деревенской жизни вечера не сулили особых развлечений. С заходом солнца дом погружался в кромешную тьму. Куй У зажёл лампу на масле - пламя с горошину освещало лишь крошечный участок вокруг, лица того, кто держал лампу, почти не было видно.

Но Цинь Хэ к этому относился спокойно. В его прошлой жизни, после двухсот лет постапокалипсиса, хоть промышленность и сельское хозяйство постепенно восстановились, и на крупных базах возобновили электроснабжение, пользоваться электричеством могли только высокопоставленные лица или особо сильные обладатели сверхспособностей. Таким, как он, обычным людям без способностей, в темноте приходилось обходиться свечой или керосиновой лампой. Так что он вовсе не испытывал дискомфорта, как иной попаданец, очутившийся в древности. Напротив, он твёрдо верил, что это и есть его удача. Иначе как объяснить, что среди стольких, кто в конце света отчаянно боролся и молился о спасении, перенёсся в другой мир именно он?

Куй У вытащил из сундука спрятанную заранее шкуру зверя и сел у лампы, чтобы обработать её. Эта шкура по размеру идеально подходила для пошива пары коротких сапожек для Цинь Хэ. В обувной лавке за такие просят от двух до пяти лян серебра в зависимости от качества шкуры, аккуратности шитья и модели. У Куй У, конечно, мастерство не особо тонкое, стежки получались грубоватыми, но это не беда: главное, что сапоги будут тёплыми и прочными.

Цинь Хэ, боясь, что Куй У мёрзнет, снял с себя ватник и снова накинул его на него. Тому предстояло сидеть на полу и шить сапоги - если руки закоченеют, работать будет трудно. Куй У не стал отнекиваться и сразу надел ватник.

— Если хочешь смотреть, иди на кровать, возьми одеяло, закутайся. Я сейчас схожу, принесу вязанку дров, разведу огонь в жаровне.

— Хорошо, — Цинь Хэ послушно завернулся в одеяло, осторожно следя, чтобы край не волочился по полу. На базе обычные люди тоже носили такую самодельную обувь, правда, из ткани, а не из шкуры. Но ему раньше не доводилось так близко за этим наблюдать. Жизнь у простых была тяжёлая, и такие умения становились способом выживания, а значит чем-то, что не передавалось просто так.

Маленькая голова склонилась рядом с большой, две головы соприкоснулись, и в тусклом свете масляной лампы от этой картины повеяло особой теплотой.

Неизвестно, сколько он так просидел, но ослабевшее после болезни тело быстро устало. Глаза начали слипаться, и в какой-то момент он резко клюнул носом, чуть не уткнувшись прямо в пламя. Цинь Хэ сам даже не испугался, а вот Куй У оторопел не на шутку. Он подхватил его голову и долго рассматривал, нет ли ожогов. Лишь убедившись, что всё в порядке, он наконец с облегчением выдохнул.

Лицо Куй У помрачнело, и он сердито проговорил:

— Иди спать. В жаровне ещё остался огонь, я пока поработаю при нём, иначе дрова пропадут

даром.

— Угу, — пробормотал Цинь Хэ. Он и правда уже очень хотел спать, поэтому забрался на кровать и, свернувшись калачиком, мгновенно задремал.

Но ночи в деревне были холодными. Через какое-то время Цинь Хэ, несмотря на ватное одеяло и толстую одежду, начал зябнуть. Он задрожал и в конце концов проснулся от холода. В этот момент длинная рука потянула его в тёплые, словно печка, объятия. Прижавшись к этому источнику тепла, Цинь Хэ уютно поёжился, устраиваясь поудобнее.

Куй У с удовольствием прищурился: всё же с фуланом рядом хорошо. Не зря учёные мужи говорили «тёплая, мягкая нефритовая прелесть в объятиях». Теперь понятно, почему все стремятся жениться, что угодно готовы сделать, лишь бы получить такую нежность. Оно того стоит.

На следующее утро они вдвоём сели за завтрак: кукурузная каша, паровые лепёшки и тарелка солений. Куй У взял вчерашнее яйцо, которое Цинь Хэ нашёл в курятнике, очистил его и положил в его чашку.

Даже такое простое варёное яйцо в деревне было деликатесом. Цинь Хэ смотрел на него с вожделением, сглотнув слюну, но всё равно разломил пополам и протянул половинку Куй У.

Куй У отказался:

— Сам съешь. Раньше, когда я один жил, всё, что курица несла, шло мне в живот. Я уже наелся, не скучаю.

Услышав это, Цинь Хэ не стал спорить. Он начал неспешно, с удовольствием, смакуя каждый кусочек, доедать свою половинку яйца.

— Кстати, — сказал Куй У, — завтра уже третий день после свадьбы, нужно идти с визитом к твоей семье. Хочешь купить что-нибудь в подарок? Давай после еды сходим на рынок, присмотрим.

Цинь Хэ на мгновение замер с жеванием, а потом, будто ничего не случилось, спокойно ответил:

— Вернуться можно, но я не хочу ничего покупать.

Куй У поднял бровь, ожидая объяснений. Цинь Хэ тяжело вздохнул и начал рассказывать.

До того, как он стал супругом Куй У, у него была помолвка ещё с пелёнок, договор между

семьями. Его суженым считался младший сын семьи Ли, Ли Чанфу, учёный, говорят, очень способный и усердный. Все ожидали, что на следующих государственных экзаменах он обязательно добьётся успеха. Разумеется, семья Ли не хотела сохранять старую помолвку. Ведь по законам нынешней династии, женившись на шуанъэре, чиновник лишался права участвовать в экзаменах. А тем, кто уже был на службе, и вовсе грозило увольнение, а в особо тяжёлых случаях и гнев императора.

Ли Чанфу после десятилетия усердной учёбы, конечно же, не собирался ради какого-то шуанъэра ломать свою карьеру. Семья Ли тоже не хотела этого брака. Но и отказаться от помолвки в открытую они не решались, испортили бы репутацию сына. А семья Цинь, видя, что Ли Чанфу на пороге чиновничьей карьеры, тоже не хотела упустить возможность породниться с будущим сановником. Вот так обе стороны и тянули время, ни расторгая договор, ни исполняя его.

Несколько месяцев назад семья Ли наконец придумала выход: выдать замуж младшую сестру Цинь Хэ, Цинь Пин, как официальную жену, а самого Цинь Хэ взять в наложники. Таким образом, все проблемы решались: когда Ли Чанфу добьётся успеха, семья Цинь всё равно будет считаться родней уважаемого чиновника, ведь их дочь - его законная супруга.

Что же до Цинь Хэ, который с главного супруга должен был превратиться в наложника, никто даже не спрашивал его мнения. На самом деле, Цинь Хэ вполне мог бы отказаться от всего этого и просто уступить брачный союз своей сестре. Но дело в том, что Ли Чанфу, хоть и не хотел брать шуанъэра в супруги, всё же запал на красоту Цинь Хэ. Тот был чересчур хорош собой, и у будущего чиновника заиграли нечистые желания.

План Ли Чанфу казался ему идеальным, но он не учёл одного - жадности самой Цинь Пин. С детства она слышала, как соседи восхищаются Ли Чанфу: такой умный, обязательно станет чиновником. А она, как жена чиновника, станет госпожой. Но её это не устраивало. Она знала, что её старший брат Цинь Хэ красивее, чем она, и боялась, что, когда они оба окажутся в доме Ли, муж начнёт проводить больше времени с братом. А какая от этого польза - быть "официальной супругой", если любви и внимания тебе нет?

И в её сердце зародилась злоба.

А тут как раз случилось "удобное совпадение" - вернулся Куй У, тот самый Ша-шэнь, торговец, ушедший в начале года в земли Ху и пропавший. Почти весь город уже решил, что он погиб, уж больно опасны были те земли. Поговаривали, что его убили варвары.

У Куй У по документам было тринадцать му земли. Уходя на торговлю в спешке, он успел засеять только пять, а оставшиеся семь сдал в аренду соседям - семье Цинь. По местным правилам, арендаторы обязаны отдавать владельцу сорок процентов урожая. Но семья Цинь была жадноватой. Как только поползли слухи, что Куй У погиб и не вернётся, у них заиграли корыстные мысли: они попросту продали часть урожая, который должны были отдать владельцу. Родственники Куй У, узнав об этом, пришли разбираться, но Цинь упрямо всё отрицали, мол, Куй У перед отъездом взял с них арендную плату вперёд. Они были уверены: Куй У мёртв, с мёртвого спросу нет, и можно спокойно присвоить себе весь урожай.

Но Куй У выжил. Сумел вырваться из рук хуского войска и вернулся домой. И, конечно же, сразу пошёл к семье Цинь за положенной арендой. Те могли хамить родственникам, но перед самим Куй У, печально известным Ша-шэнем, зарываться не посмели. Без лишних слов отдали вырученные за зерно деньги.

Но деньги - не зерно. Купить обратно столько же зерна по тем же ценам уже было невозможно. А Куй У, вернувшийся после долгого отсутствия, как раз и нуждался больше всего именно в провизии.

Зерно у семьи Цинь было своё, для еды оставили, но отдавать Куй У не хотели: отдадут, значит, самим придётся покупать по высокой цене, а это убытки. И вот тогда Цинь Пин, давно завидовавшая своему старшему брату Цинь Хэ, увидела отличный шанс избавиться от него и предложила: «Отдадим старшего брата вместо долга».

Куй У, которому было уже за двадцать и который до сих пор оставался холостяком, был пугалом для всего Дишуя. Никто не хотел за него идти, но все мечтали о его силе. Он, конечно, согласился: не только простил им восемь дан (примерно 800 литров) зерна, но ещё и дал сверху два ляна серебра в качестве брачного выкупа.

Так что, даже когда Цинь Хэ категорически отказался и кинулся в реку, его вытащили и, не дав даже опраться, засунули в свадебный паланкин и отправили в дом Куй У.

Куй У прищурился, в глазах сверкнула угроза:

— Значит, ты держишь зло на семью Цинь за то, что стал моим супругом, и потому даже не хочешь даров для обратного визита?

Цинь Хэ, обладая феноменальным инстинктом самосохранения, тут же решительно отверг:

— Это тут ни при чём! Я с тобой и ем досыта, и пью вдоволь, и на болезнь есть лекарство, и даже курицу поел. Где ж такую жизнь ещё найти?

Куй У человек крепкий, грубый, с нервами не тоньше его мускулов. Он и Цинь Хэ были одного поля ягоды: ни один, ни другой не знал, что такое нежность и любовные разговоры. Поэтому, услышав слова Цинь Хэ, Куй У не только не обиделся, а наоборот, почувствовал, что всё правильно сказано. Он ведь может гарантировать, что его супруг будет есть курицу и мясо, а кто ещё так сможет? А чувства? Их не видно, не потрогаешь... их можно съесть?

В глазах Куй У исчез опасный блеск, и Цинь Хэ с облегчением выдохнул.

— Меня злит вот что, — продолжил он. — Они ведь даже не позвали лекаря. Что бы ни случилось, хотя бы пригласили бы доктора, выписали бы лекарства, это уж можно было. У них ведь есть серебро, не скажу обо всём, но хотя бы те два ляна, что ты недавно дал. Прямо

скажу: если бы не я, они бы таких денег и не увидели.

<http://bllate.org/book/13598/1205817>